

© 1996 г., ЭО, № 3

В. Е. Гусев. Русская народная художественная культура: теоретические очерки. СПб., 1993. 111 с.

Эта небольшая по объему, но очень емкая по содержанию книга будет иметь если не поворотное, то, несомненно, этапное значение в истории русской фольклористической и культурологической мысли. Думаю, что книгу скоро переведут на многие языки мира. Почему я так в этом уверен?

Дело в том, что новый труд В. Е. Гусева посвящен теме, которая хотя и была предметом многочисленных искусствоведческих и этнографических исследований, до сих пор разработана недостаточно. Мы имеем смутное представление о том, что такое народная художественная культура, какое место она занимает в общенациональной культуре, каково ее отношение к фольклору, какие функции выполняет она в жизни различных общественных групп и классов на разных этапах их исторического развития. Эти вопросы имеют не только теоретическое, но и практическое значение, так как характер ответа на них определяет позицию ведомств и учреждений культуры по отношению к народным художественным традициям и их роли в процессе, который мы сегодня именуем возрождением.

На фоне обширной литературы по данной теме рецензируемая работа выделяется четкостью постановки теоретических вопросов и ясностью ответов на них. Ясность выводов ученого — это не результат упрощения и «спрямления» проблемы, а итог глубокого постижения и правильного понимания всего того, что связано с ней. Невольно вспоминается изречение: простым кажется все то, что является истиной.

Ясность мысли ученого добыта годами упорного труда, изучением обширнейшей литературы как на русском, так и на иностранных языках. Сказалось, конечно, и то, что В. Е. Гусев — блестящий теоретик, прекрасно владеет методологией и на деле демонстрирует силу диалектики. Это ощущается прежде всего при определении сущности и содержания понятия «народная художественная культура». Он убедительно оспаривает точку зрения А. Моля, автора популярной на Западе монографии «Социодинамика культуры», в которой фактически отрицается значение «социального фактора» при изучении культуры вообще и народной культуры в частности. По Гусеву, последняя именно тем выделяется в рамках общенациональной культуры, что она «является в основном творчеством производителей материальных ценностей» (с. 8).

Весьма определена позиция В. Е. Гусева, занятая им в вопросе о соотношении традиционной и современной народной художественной культуры с первобытной: он против сведения всех форм народного творчества и фольклора к архаике, к «перехиткам», «редликам» первобытной культуры, как это утверждают многие культурологи и фольклористы в наше время.

В. Е. Гусев справедливо, на наш взгляд, считает, что объем структурных элементов народной художественной культуры шире фольклорных (даже в широком смысле этого понятия), т. е. традиционных форм, и включает, особенно в наше время, и новые формы народного творчества. Все последующее содержание книги прекрасно иллюстрирует это принципиальное положение.

Проанализировав и обобщив все написанное до него, ученый определяет важнейшие признаки народной художественной культуры, углубляя и корректируя некоторые свои положения, высказанные в «Эстетике фольклора». Помимо отмеченной выше связи с материальным производством это также своеобразный «прикладной» характер всех видов народного творчества и коллективность творческого процесса; коллективность понимается не как физическое объединение творческих усилий массы людей, а как диалектическое единство массового и личного (индивидуального) начал на всех этапах этого сложного и противоречивого процесса.

Эстетическим выражением коллективности, по Гусеву, является традиционность — важнейший признак народной традиционной культуры, который несет в себе как генетический знак данного этноса и социума, так и все его исторические модификации, реализующиеся в идейно-художественном содержании произведений народного творчества. Традиция не есть что-то застывшее; она соединяет в себе как постоянные элементы, так и переменные, обусловленные историческими и социальными причинами. Поэтому при изучении народной художественной культуры так важно учитывать фактор вариативности; только при этом условии можно до конца осмыслить диалектику отношений старого и нового, национального и диалектного (регионального) в фольклоре и других структурных единицах народной культуры. В. Е. Гусев восстает против идеализации народной художественной культуры, когда всякий вариант того или иного произведения преподносится как шедевр, хотя мы знаем, что варианты могут возникать в результате частичного забвения или разрушения традиции или как следствие неудачного опыта импровизации конкретного исполнителя.

Определив своеобразие народной художественной культуры, ученый находит точные ее границы с профессиональным искусством и определяет характер их связей на разных этапах исторического развития общества.

Несомненная удача автора рецензируемой книги — глава, в которой рассмотрена морфология народной художественной культуры. Первое, на что обращено внимание (и в чем автор, безусловно, прав), — это то, что она включает в себя не только элементы духовной, но и материальной культуры, и что структура ее в самом общем виде такова: фольклор, традиционное изобразительное искусство,

организующая самостоятельность и любое художественное любительство (с. 36). Учитывая многозначность термина «фольклор», исследователь формирует свое понимание этой дефиниции: фольклор для него — это лишь словесно-музыкально-драматические и хореографические виды народного творчества, т. е. нефиксированные виды, которые передаются от поколения к поколению лишь по памяти.

Структуру народной художественной культуры В. Е. Гусев рассматривает в контексте народной культуры вообще, справедливо полагая, что различные ее виды взаимодействуют и в той или иной степени зависят от одних и тех же факторов: от трудовой деятельности народа (вспомним, например, эстетизированное производство орудий труда, хозяйственного инвентаря и т. п.), от народной календарной обрядности (отсюда эстетизированное производство обрядовых символов, обрядово-праздничной одежды, украшений и т. д.), от общинно-семейных отношений и обрядности (отсюда эстетизированные формы общинной и семейной обрядности, разные праздники, семейно-бытовой фольклор, а также «культура повседневных межличностных отношений — внеобрядовый фольклор»). Многогранна, многоступенчата собственно художественная деятельность народа, выражающаяся в разных видах и жанрах словесно-музыкально-игрового творчества.

Заслуга В. Е. Гусева, на мой взгляд, заключается в том, что все это он представляет как особую художественную систему (именно — систему!), в которой и жанровые образования, и элементы поэтики, и способы передачи и усвоения традиции находятся в интегрированной зависимости. Таблица на с. 66 — замечательна по логике, завершенности и простоте иллюстрация, помогает понять мысль ученого о системном характере отношений всех структурных единиц народной художественной культуры.

В главе «Социодинамика» рассматриваются вопросы истории русской народной художественной культуры как сложнейшего комплекса, в котором каждая часть обусловлена эволюцией целого, а целое зависит от частного. В. Е. Гусев объясняет истоки и пути формирования национальной специфики русской художественной культуры, раскрывает вклад в нее различных социальных слоев общества, подчеркивает, что между культурой господствующих и трудящихся классов не было столь непреходимой грани, как это было принято считать до недавнего времени. Большой интерес представляют наблюдения ученого над взаимодействием деревенской и городской культуры. Принципиальное значение имеют размышления о сущности и границах понятия «современная народная культура». Соглашаясь в основном с выводами чешского фольклориста Б. Бенеша о структуре современного русского народного творчества, а также других исследователей, В. Е. Гусев уточняет, конкретизирует их положения, говорит о многослойности «спирга» современной народной художественной культуры, отмечает изменившийся характер отношений коллективного и индивидуального, профессионального и самодеятельного творчества. Столь же интересны и продуктивны его наблюдения, связанные с рассмотрением функций народной художественной культуры в прошлом и настоящем.

«Народная художественная культура, — пишет В. Е. Гусев, — обладает несомненной историко-культурной ценностью. Она как ни одна другая форма человеческой деятельности дает непосредственное и адекватное представление о жизни, быте, менталитете и психологии народа» (с. 108). При этом ученый делает принципиальную оговорку: следует различать народную самооценку культуры в свете эстетического идеала самого народа и эстетические критерии историка и исследователя искусства: они не всегда совпадают.

Высоко оценивая новый труд В. Е. Гусева, хотелось бы высказать все же два замечания. От теоретического, обобщающего исследования, каким является рецензируемая книга, ждешь исчерпывающей полноты освещения затронутых вопросов. К сожалению, в двух случаях этой полноты нет. Так, рассматривая вклад рабочего класса в развитие народной художественной культуры, ученый ограничивается традиционным перечнем новых тем и жанров, порожденных творчеством пролетариата, оставив без внимания вопрос о смене эстетических представлений народа, произошедшей в результате этого. С появлением рабочих песен, сказок, частушек в фольклор пришли не просто новые темы и образы: пришел новый взгляд на вещи, изменились представления о смысле жизни и путях обретения счастья, стал иным творческий метод, и, следовательно, преобразилась поэтика.

Кроме того, в размышлениях о современных функциях фольклора остались неостребованными появившиеся в печати факты, свидетельствующие о громадном значении фольклора в наши дни и о решающих причинах этого: во-первых, это искусство неуподоблено (в силу его нефиксированной устной природы), поэтому в полном смысле слова свободно, во-вторых, оно опережает профессиональное искусство в отражении «злобы дня» (вспомним частушки, анекдоты, народную афористику).

Отмеченные мною в книге В. Е. Гусева упущения несколько не влияют на общую ее оценку. Как и «Эстетике фольклора», ей суждена долгая и полезная жизнь.

А. И. Лазарев

© 1996 г., ЭО, № 3

Мордва Заволжья. Саранск, 1994. 184 с. илл.

Среди сравнительно крупных этносов Российской Федерации мордва выделяется наиболее рассредоточенным характером расселения: группы мордовских поселений и отдельные деревни разбросаны по всему Среднему Поволжью и Привурьяло — от низовий Оки до р. Урал. В пределах Мордовской республики живет лишь 30% мордовского этноса, да и там мордва составляет лишь треть жителей.